

Живет в г. Новгород-Северский (Украина). Визитная карточка участника.

Мандельштам

- Осип Эмильевич, - шёпот в тумане,
Серые будни, клеймо инородца,
Кончились деньги в потёртом кармане,
Только стихи продолжают бороться.

Полночь, свеча догорит не согреть
Комнату, тень от стола и буфета,
Старого, битого жизнью еврея,
Русского, битого жизнью поэта.

Противоречие? В сумерках длится
Исповедь совести, тела тирада.
Время проходит, забудет столица
Лица ушедшего в ночь Петрограда.

Поодиночке уйдут за пределы
Модные баловни светских салонов -
Блок, Гумилёв, Ходасевич и Белый,
Гиппиус, Ивлев, Цветаева... клонов

Много появится. Оригиналы
Не превозносят эпоху репрессий.
Пусть Мандельштам будет строить каналы,
Будет Есенин ходить на воскресник.

Что, отказались? Их всех подчистую
Вычесть из жизни до Первого Мая.
Кто-то ещё прошептал: "Протестую,"
Мёртвые губы в усмешке сжимая.

Осип Эмильевич, поздняя осень
Тоже погибла в кошмаре жестоком.
Двадцать седьмое, декабрь, тридцать восемь,
Жизнь покидает под Владивостоком.

В общей могиле озябшего тела
Не отыскать. Мертвецов галерея.
Жаль, что страна сохранить не сумела
Старого, битого жизнью еврея.

Прогулка в осень

Несмотря на пол и возраст, слой обоев липнет к стенам,
Подымая имидж дома. На верёвке бельевой
Сохнут даты. Дом поддатый дым закручивает феном
И бросает прямо в небо высоко над головой.

Вой не вой - уходит осень. Облысев - осины в шоке.
Укатилась в чью-то милость солнца тусклая деньга.
Отражаясь в грязных лужах дни, погрязшие в пороке,
Тащат глупые недели под притихшие стога.

-Голосуем за невинность, - голосили в роще галки,
-Дружно требуем разврата! - резолюция синиц.
Воробьи орали в небе нецензурные кричалки,
Унижая, обижая пролетающих к югу птиц.

Только осень уходила босиком по бездорожью
Дальним эхом, тихим смехом, колокольчиком звеня.
Убеждать желала правдой, удержать пыталась ложью,
В поле брошенная рожью бесприютная стерня.

Предзимье

В озябших пальцах холодно зиме.
Дыханием согреть? Она растает.
Настанет слякоть, слякоть нас заставит
Плести интриги или макраме.

И мы плетём, невидимо, к тому ж
Невнятно, бестолково, понаслышке...
Сливают капли водные излишки
Свинцовых туч в резервуары луж.

А да... Нет, нет, не стоит торопить,
А дальше сосны, ветви, иглы, спицы...
Сшивает белоснежные страницы
Двойной лыжни распутанная нить.

А не... Да, да, явились снегири,
А небо, замерзая, бредит Крымом.
Десятка два столбов белёсым дымом
Плетут узоры в небе, на пари.

Париж? Какой Париж, когда зима?
(Морозный воздух искажает фразу.)
Париж, куда не ездили ни разу
Ни снегири, ни сосны-терема.

Ах да, пари, слышалось - и вот,
Ах нет, не стоит убеждать в обратном...
Мороз, зима, все мысли о приятном...
И мир, в котором слякоть не живёт.

[Страница автора в Сети](#)

